

М У Р З И Л К А

№ 5

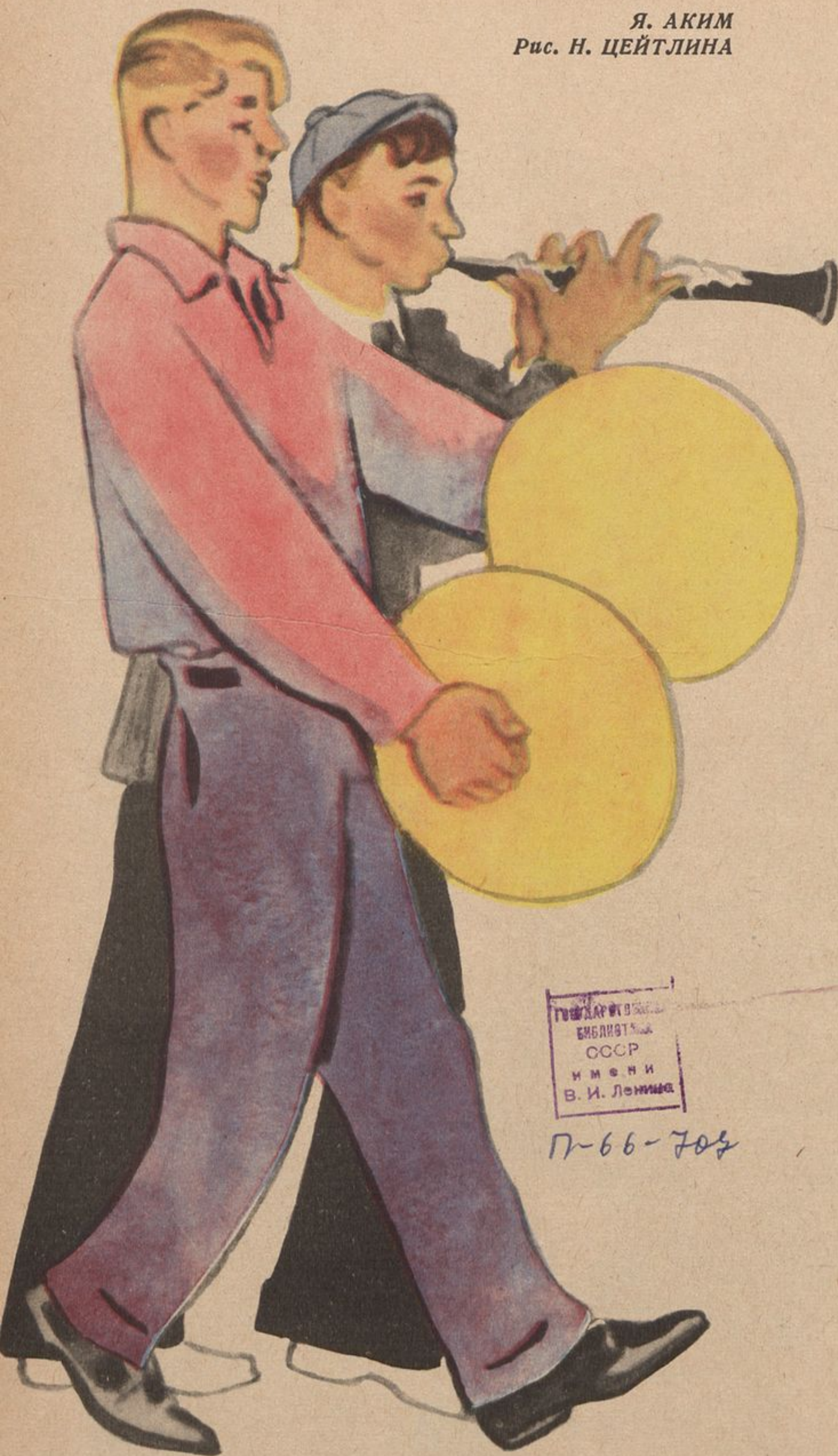
Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
имени В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

**МАЙ
1965**

ИВАН И БАРАБАН

Я. АКИМ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

По улицам нарядным,
По майской мостовой
Шагал в строю парадном
Оркестр духовой.

Ему навстречу: тук-тук-тук —
Шёл маленький Иван.
И на глаза Ивану вдруг
Попался барабан.

Был барабан огромен:
Трум-бум-бум!
Раскатывался громом:
Трум-бум-бум!

Сказал, набравшись смелости,
Маленький Иван:
— Я постучу, и в целости
Будет барабан.

Но барабанщик важен:
Трум-бум-бум!
Словечка зря не скажет,
Всё «трум-бум-бум!».

Он бьёт по барабану,
По кожаной груди
И говорит Ивану:
— Мешаешь, проходи!

— Как ваше имя-отчество? —
Иван его спросил. —
Побарабанить хочется,
Ну просто нету сил!

Важный обернулся,
Глянул из-под век,
С трубой перемигнулся:
— Просит человек!

...Плывёт в строю парадном
Огромный барабан,
А с барабаном рядом
Маленький Иван.

Рука над макушкой
Еле достаёт —
Мягкой колотушкой
По барабану бьёт.

А барабан огромен:
Трум-бум-бум!
Гудит весёлым громом:
Трум-бум-бум!

П-66-702

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

9 мая у советского народа, у всех народов мира большой праздник — День Победы.

Двадцать лет назад были разгромлены фашистские войска и окончилась война.

Слава нашим пехотинцам, артиллеристам, танкистам, лётчикам, морякам — воинам-победителям!

Рассказ получил премию на конкурсе

ЛЁНЬКА

Л. ЗАХАРЬИН

Рисунки В. КУРДОВА, В. ЛОСИНА, И. ХАРКЕВИЧА

И для тех и для других приказ был короток и прост: одни — фашисты — должны были ещё утром овладеть высотой, другие — русские — до ночи во что бы то ни стало удержать её...

Багровое запылённое солнце медленно опускалось за далёкий весенний лес, освещая изрытые воронками склоны, а приказ выполняла только одна сторона: высота держалась...

И третий, и четвёртый, и пятый раз у самого её гребня фашистские цепи падали на землю и, разорванные на куски яростным огнём пулемёта, скатывались вниз. Вдогонку им веерами длинные сухие автоматные очереди и резкие частые хлопки гранат...

Короткая передышка. Голубые сумерки медленно окутывают кусты, тихонько заползают в воронки и укладываются там на ночь.

В полуразрушенном окопе на высоте — трое: сержант и два бойца. Один, высокий и нескладный, в окровавленной и изорванной гимнастёрке, стоит на коленях возле ещё горячего пулемёта. У него худое, покрытое копотью лицо, воспалённые глаза. Левое плечо забинтовано. Ранены во время первой атаки, ещё утром, притерпелся уже, да и недосуг солдату обращать внимание на раны...

Он внимательно следит через прицел пулемёта за далёкими серыми фигурками, перебегающими внизу, и, не поворачивая головы, говорит:

— Потерпи ещё немного, Петро. Скоро санитары придут, водички принесут... Помнишь, как в той сказке: «Ваша мама пришла, молочка принесла...»

Черноволосый Петро — его измятая каска валяется рядом — пытается улыбнуться. Ему трудно дышать: пробитая пулей грудь туго забинтована, на губах запеклась кровь. Он полужелит, привалясь спиной к мягкой окопной стенке. Набрав в грудь воздуха, растягивая слова, раненый произносит:

— А ты, Коля, меня не уговаривай... я не маленький... Сам... наверное, больше моего... пить... хочешь...

— Ой, хочу, Петро, больше тебя хочу, верно! — мотает головой пулемётчик.

Раненый перестаёт улыбаться.

— Ты внимательней следи за... А то подползут неожиданно. А я ещё... воевать хочу...

«И воевать и жить», — думает пулемётчик. Вслух говорит:

— Пovoюем ещё, друг... Не беспокойся, слежу внимательно...

— Воевать-то, хлопцы, почти и нечем, — говорит сержант.

Он медленными движениями раскладывает на плащ-палатке автомат-

ные патроны на три равные кучки. Совсем маленькие кучки латунных орешков, в которых жизнь...

Сержант осторожно сдвигает каску на затылок, поморщившись, трогает пальцами запылённый бинт на голове и, сдвинув мохнатые брови, смотрит на товарищей.

— Осталось двести патронов, одна пулемётная лента и десяток гранат. — Голос у него хриплый, но спокойный. — Если Кузнецов не вернётся с боеприпасами, придётся драться врукопашную... Высоту сдавать нельзя. Ночью подойдёт батальон. Вопросы есть?

Пулемётчик переглядывается с другом, раненным в грудь. Тот закрывает глаза и слегка кивает головой. Вопросов нет, какие могут быть вопросы? Высоту сдавать нельзя.

Сержант подравнивает кучки патронов на плащ-палатке. Всего три небольшие кучки. Это всё. Четвёртой нет. Если Кузнецов вернётся, то он вернётся с патронами. Если не вернётся, патроны ему уже не потребуются...

Вдруг он резко поднимает голову и прислушивается. Ясно слышится тяжёлое дыхание ползущего человека. Пулемётчик тревожно вертит головой, затем быстро перебегает к противоположной стороне окопа.

— Сержант, ты слышишь?

— Да.

— Фашист? С тыла? — пулемётчик медленно вынимает из ножен кинжал, сержант сухо щёлкает обоймой пистолета. Тяжёлое дыхание, прерываемое стонами, похожими на детский плач, приближается. Пулемётчик осторожно поднимает правую руку — лезвие кинжала поблёскивает холодным синеватым огнём — и, коротко охнув, с силой вонзает кинжал в стен-

ку окопа. Из-за бруствера на него испуганно смотрят голубые мальчишеские глаза. Бледное от напряжения, измазанное, курносое лицо, русая прядь прилипла к мокрому лбу, на затылке — измятая шапка-ушанка. Одно ухо — вверх, другое — вниз, как у зайца...

Сержант и пулемётчик рывком втягивают мальчишку в окоп. Рассматривают неожиданного гостя, его изодранные серые штаны, грязные босые ноги.

— Как же ты к нам попал, дружок?

— Я не дружок, я Лёнька!

— Ты не Лёнька, ты Гаврош, — говорит пулемётчик.

— Я не Гаврош, я Лёнька! — маль-

чишка уже немного отдышался и радостно улыбается. — Тут недалеко болото... Мы туда с ребятами... за камышом бегаем... От нашей деревни не очень далеко...

Лицо его неожиданно темнеет, складки ложатся у рта.

— А там, внизу, ваш ефрейтор лежит. Убитый... Прямо в голову. Он вам патроны нёс...

— Эх, Кузнецов, Кузнецов, — сержант до боли прикусывает губу. — Не дошёл, друг...

— А я эти ящики приволок! Тяжёлые, намучился я с ними — страсть! Хотел побыстрее, дяденьки, да не смог.

И он потряхивает толстой верёвкой, которую до сих пор крепко сжимает в руке.

— Лёнька, Лёнька! Ты не понимаешь, какой ты человек! Ты же герой, ты же... — сержант хочет сказать что-то ещё, но спазма сжимает ему горло, и он машет рукой.

Снизу, из зловещей темноты, медленно поднимается по склону серая цепь. Раненый лихорадочными движениями вставляет запалы в гранаты.

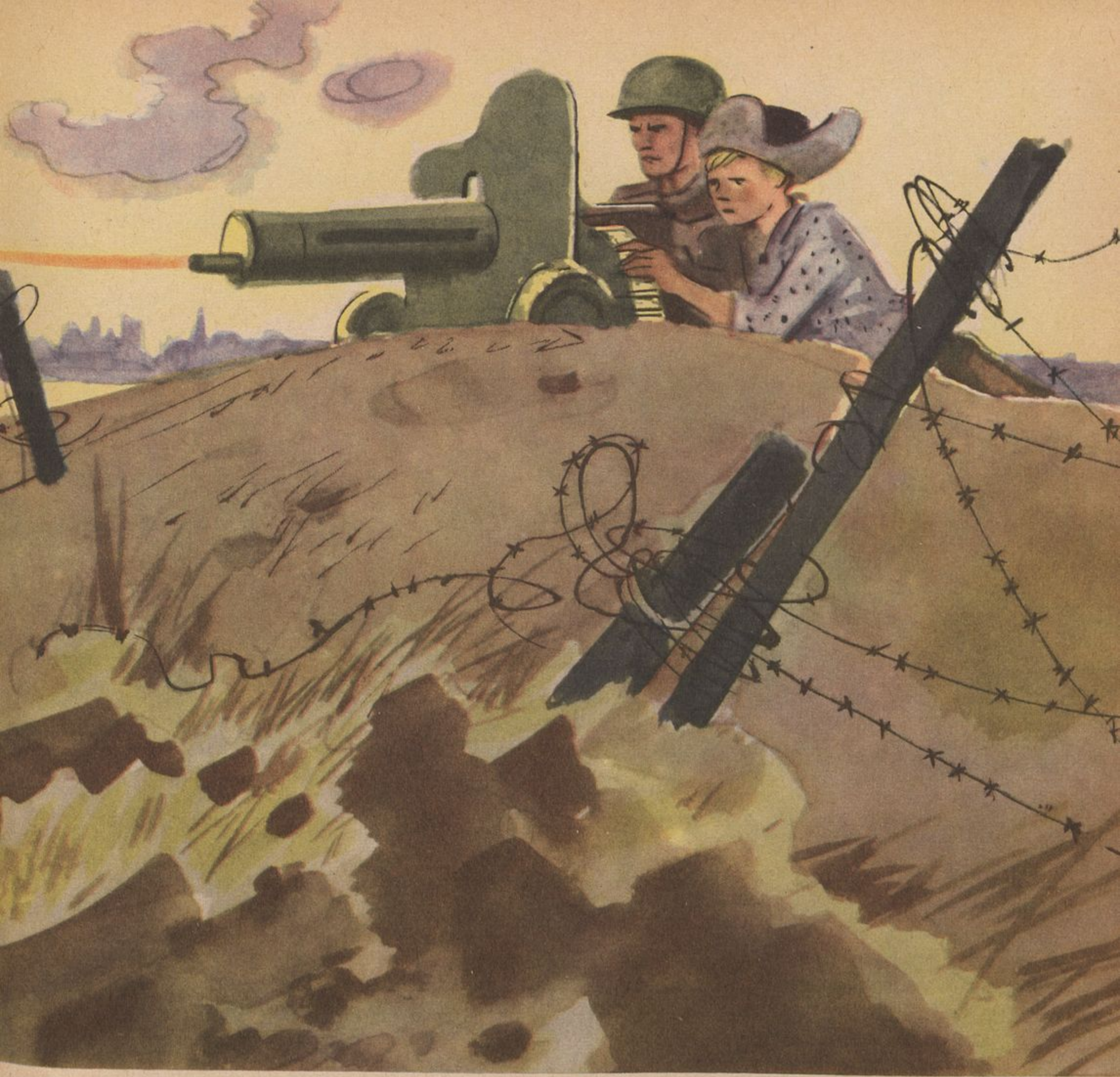
Лёнька осторожно трогает сержанта за рукав.

— Дяденька... Товарищ сержант, разрешите мне остаться с вами. Пожалуйста, разрешите! — Он умоляюще смотрит сержанту в глаза.

Тот хмурит лохматые брови, надвигает каску на лоб и почему-то громким шёпотом отвечает:

— Что за разговоры? Ты же боец, Лёнька! А ну, вторым номером к пулемёту!

Схватив коробку слентами, Лёнька ложится рядом с пулемётчиком. В темноте видна его шапка: одно ухо — вверх, другое — вниз, как у зайца...

Фашистская цепь у самого гребня падает на землю, разорванная на куски огненными струями пулемёта. Серая цепь расплзается в стороны,

скатывается вниз. Вдогонку ей сухие автоматные очереди и резкие вспышки гранат...

В фиолетовое ночное небо со свистящим шипением ввинчиваются две ракеты и рассыпаются в вышине зелёными звёздами. Это из тыла к дымящейся высоте форсированным маршем подходит батальон...

Стихотворение получило премию на конкурсе

С О В Е Т С К И Й

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Над вольным Дунаем,
Над славным Днепром
Душевные песни
Слагают о нём.
В нагорных лесах,
На просторе равнин
Его вспоминают
И чех и румын.
— Пылало село, —

Вспоминает хорват, —
Он кинулся в пламя,
Советский солдат!
Из хаты горящей,
Из дыма-огня
Он вынес, отважный,
Мальчонку — меня! —
Словачка сказала:
— И мне он помог —

Рис. А. ИТКИНА

СОЛДАТ

Озябшей, голодной
Дал хлеба кусок.
Назвал по-отцовски
Дочуркой своей.
Шутя подмигнул мне:
«Гляди веселей!» —
Вздохнула румынка:
— Был яростный бой,
Меня от осколка

Прикрыл он собой...
Убит он, лежит
Под холмом у села.
Калина над ним
Поднялась-расцвела.
— Нет,— молвил болгарин, —
Он жив, не убит!
Я видел его:
Он в дозоре стоит.
Стоит он в дозоре,
И зорок и смел,
Чтоб мир потревожить
Никто не посмел!

Фото В. ГУСЕВА

КУКОЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Г. ЛАДОНЩИКОВ

Музыка Тани ФЕДЬКИНОЙ

Тихо входит синий вечер
В комнату мою.
Спите, куклы-человечки,
Баюшки-баю.

Понимаете вы сами,
Как я устаю.
Целый день вожусь я с вами,
Баюшки-баю.

Уложила, укачала
Кукол всю семью,
И сама я задремала,
Баюшки-баю.

Таня Федькина учится во втором классе музыкальной школы при Московской государственной консерватории. Ей девятый год, но она уже несколько лет сама сочиняет музыку.

В семье Федькиных все любят и понимают музыку. Нередко у них устраиваются домашние концерты, в которых участвуют шесть сестёр Тани, брат и мама.

Как все девочки, Таня очень любит играть в куклы. Их у неё целая семья.

Когда я познакомился с Таней, она попросила меня написать слова для кукольной колыбельной песенки. Я выполнил её просьбу. Вскоре Таня позвонила мне по телефону, сообщила, что она написала музыку кукольной колыбельной, и тут же спела.

С этой песенкой мне хочется познакомить и вас, ребята.

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Вступление

1. Тихо входит синий
вечер в комнату мою. Спите, куклы-человечки, баюшки-баю.

В. ЧИЖИКОВ

Рис. В. ЛОСИНА

— Витька! Выходи! — кричал мне в окошко Гришка Барляев.

А выходить не хотелось: на столе стояла вкусная праздничная еда — пирог с картошкой, только что испечённый хлеб и свежее масло.

Сегодня 1 Мая 1943 года.

— Айда на белугу смотреть! Давеча на Волге спымали! — не унимался за окном Гришка.

Тут уж я усидеть не мог. Дядя Иван рассказывал мне о громадных белугах, которые водились в этих местах.

По крутому берегу навстречу нам поднималась подвода, запряжённая двумя коровами. На телеге лежала здоровенная рыбина. Такой рыбы я не видел с тех пор никогда; хвост её свисал с подводы и волочился в пыли. Тучи мух окружали подводу, они носились тёмным роем, то садясь на белугу, то снова взмывая вверх.

Ко мне подбежала взволнованная Таська Корягина.

— Это для вас, для «выковыренных», спымали!

Очень многие ребяташки вместо «эвакуированные» говорили «выковыренные» — так было легче произносить это новое для них слово.

Рядом с подводой шёл дядя Иван и, подёргивая вожжами, кричал на коров:

— Ну вы, кони-лошади!

Обернувшись ко мне, рявкнул:

— Ну, Виктор! И великая уха будет!

Во двор совхоза стали стекаться эвакуированные. Белуга на самом деле была майским подарком для нас, москвичей и ленинградцев, заброшенных войной в эти волжские края.

Посреди двора лежала белуга, а рядом с ней стояли дядя Иван с топором в руках и тётя Дуня со списком эвакуированных.

Тётя Дуня тонким голосом выкрикнула:

— Лазаревы!

А дядя Иван рубанул топором. Счастливый Валька Лазарев потащил домой первый кусок от белуги.

Дошла очередь и до меня.

— Доржи, Витька, самый лакомый кусок матери ташшишь! — сказал мне дядя Иван.

Уха действительно получилась очень вкусная. Мне и Гришке Барляеву она понравилась.

НИКОЛКИНЫ РИСУНКИ

Тётя Васёна, наша хозяйка, каждую весну обклеивала избу свежими газетами, а поверх газет клеила мои рисунки, которые я готовил специально для этого случая. Рисовал я цветы,

стараясь использовать все цветные карандаши, которые мы захватили из Москвы.

И вот когда тётя Васёна и я сидели на лавке и любовались своей работой, в избу вбежал Николка Борисов.

— Тётя Васёна, на собрание! — Он хотел было бежать дальше, но заметил на стенах мои рисунки. — Это кто у вас так цветы пишет?

— А вот Виктор, — кивнула в мою сторону тётя Васёна.

— Ай да Виктор! — улыбнулся Николка. — Ты, Витька, забеги ко мне

через часок, покажу тебе, как я ма-люю. Ну, побегу других на собрание скликать.

От Николкиной похвалы у меня сердце заёкало и поднялось куда-то высоко-высоко.

Вы спросите почему?

Да потому, что этот синеглазый, крепко сбитый паренёк был лучшим наездником в Крестово-Городище. Это он обучил непокорного и дикого жеребца Удалого ходить под седлом, это он объезжал свирепого Глобуса и норовистого Абсурда. Не было на селе равного Николке ни в борьбе, ни в

игре, ни в катании на лыжах с гор. Вот какой был Николка Борисов.

Ровно через час я был у него.

— Заходи, Витька, я сейчас, — раздался его голос с полатей.

Я сел на лавку.

— Куда они подевались, — доносилось сверху, — ещё вчера здесь были. А, вот они, — слышалось снова, и Николка спрыгнул с полатей.

В руках он держал пачку серых почтовых бланков. На таких бланках писал нам письма с фронта отец. В углу каждого листочка стояло: «Добьём фашистского зверя в его собственной берлоге!»

Я с удивлением посмотрел на Николку, а он, волнуясь и крепко прижав рукой всю пачку к столу, сказал:

— На, смотри...

Я подсел к керосиновой лампе.

По шероховатой серой поверхности бумаги неслись всадники с саблями под алым знаменем, их было множество. Позы лошадей, людей были одинаковы; каждая лошадь была не больше напёрстка, а всадник и того меньше.

— Здрóрово, Николка, — сказал я, — давай следующий рисунок.

Николка осторожно подал следующий листок. Я очень удивился, увидев на этом рисунке то же самое: те же всадники под алым знаменем неслись в ту же сторону, и их было так же много.

Заметив моё замешательство, Николка хитро улыбнулся.

— Я на всех листках одно и то же нарисовал.

— А зачем? — спросил я.

— А вот зачем, смотри: к этому листочку подкладываю другой, армия наша стала больше! К этим двум третий — Красная Армия ещё больше! А вот глянь-ка, — и он расстелил на полу все бланки, — во какая сильная наша армия!

Я не выдержал и закричал:

— Ура-а-а!

— Ура! — закричал Николка. — Добьём фашистского зверя в его собственной берлоге!

ЗАБЫЛ

В. ЛУГОВОЙ

Рис. Н. НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ

Жил-был Забыл.

— Где жил?

— Забыл.

— Где был?

— Забыл.

— Что ел?

— Забыл.

— Что пил?

— Забыл.

Что нужно рано встать —
забыл,

и застелить кровать —
забыл.

А дальше

забыл

по порядку

зубной порошок

и зарядку.

Под краном
лениво рукой поплескал
и до-о-о-олго
носки под диваном искал.

С трудом нашёл
второй носок,
а в школе шёл
второй урок.

Явился в класс
угрюм, уныл:
пенал — забыл,
тетрадь — забыл,
заданье записать —
забыл,
и сколько пятью пять —
забыл...

Забыл,
не будь
Таким, как был.
Скорей забудь,
Что ты —
Забыл!

ТАК СТРОЯТ ТЕПЕРЬ,

Поехали мы на экскурсию в лес. Хорошо на автобусе! Едешь, в окно смотришь. Всё тебе видно.

Вдруг Марина как закричит:

— Наш дом, наш дом! Мы в нём будем жить!

И дёргает меня за рукав.

— Вот видишь, дерево с грачами как раз напротив нашего окна. Весной тут пустырь был, помнишь, Дима?

Марина уже рядом с Александрой Александровной, нашей учительницей. Показывает ей свой дом и говорит:

— Александра Александровна! А Дима не верит, что это наш дом, мы весной были, а он места не узнал.

Александра Александровна улыбается.

— Быстро дома стали строить, поэтому и не узнал. А ну, ребята, скажите, почему дома быстро строятся?

— Потому что нам новая квартира нужна, — говорит Марина.

— Правильно, — говорит Александра Александровна, — а ещё почему?

— Потому что всем квартиры нужны, — говорю я.

ТАК СТРОИЛИ РАНЬШЕ

— Правильно, — говорит Александра Александровна, — а ещё почему?

— Потому что теперь дома кранами из целых стенок собирают, — говорит Юра.

— Верно, — говорит Александра Александровна, — а вот раньше, очень давно, когда строили первые города на Руси, всё делали вручную, одним топором. Долго город отстраивался. Машин тогда не было. На лошадях всё возили. Бывало и так: леса поблизости нет, а место для города очень выгодное — берег крутой, речной путь, для торговли удобно. Вот тогда брёвна

привозили на больших лодках — ладьях. Вокруг города возводили крепостные стены с башнями и бойницами. Такая крепостная стена защищала город от врагов, называлась она детинец. Перед стеной копали рвы или насыпали земляные валы, тоже для защиты.

То-то удивились бы, — продолжает Александра Александровна, — умельцы-плотники, если смогли бы взглянуть, как теперь города строят.

Л. НИЖНИЙ
Рисунки автора

ЛАПУСЯ

Сергей МИХАЛКОВ

Я не знаю, как мне быть, —
Начал старшим я грубить.

Скажет папа:

— Дверь открыта!

Притвори её, герой! —

Я ему в ответ сердито

Отвечаю:

— Сам закрой! —

За обедом скажет мама:

— Хлеб, лапуся, передай! —

Я в ответ шепчу упрямо:

— Не могу. Сама подай! —

Очень бабушку люблю,

Всё равно и ей грублю.

Очень деда обожаю,

Но и деду возражаю...

Я не знаю, как мне быть, —
Начал старшим я грубить.
А они ко мне:

— Голубчик,
Ешь скорее! Стынет супчик!.. —
А они ко мне:

— Сыночек,
Положить ещё кусочек? —
А они ко мне:

— Внучок,
Ляг, лапуся, на бочок!.. —
Я такое обращенье
Ненавижу, не терплю,
Я киплю от возмущенья

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

И поэтому грублю.
Я не знаю, как мне быть, —
Начал старшим я грубить.
До чего я распустился —
Стал грубить и всем вокруг.
Говорят: «От рук отбился!»
От каких, скажите, рук?

СКАЗ О ВОЛШЕБНОМ КАМНЕ

Юрий КАЧАЕВ

Рис. И. КАБАКОВА

Рассказывал мне мой дед: в стародавние времена жил в одном селе мужик. Звали того мужика Игнатом. Пахал Игнат своё поле да сеял пшеницу. Поле у него было такое же, как и у соседей. А вот пшеница на нём росла всем на диво. Колос к колосу — как камыш стоит, на ветру звенит.

— Скажи, Игнат, — приставали к мужику соседи, — в чём тут загвоздка? Может, знаешь ты слово секретное?

— Не знаю я никакого слова, — отвечал Игнат и усмехался в бороду.

И решили тогда соседи следить за Игнатом неотступно. Пришла весна-красна, началась пахота. И вот увидели соседи од-

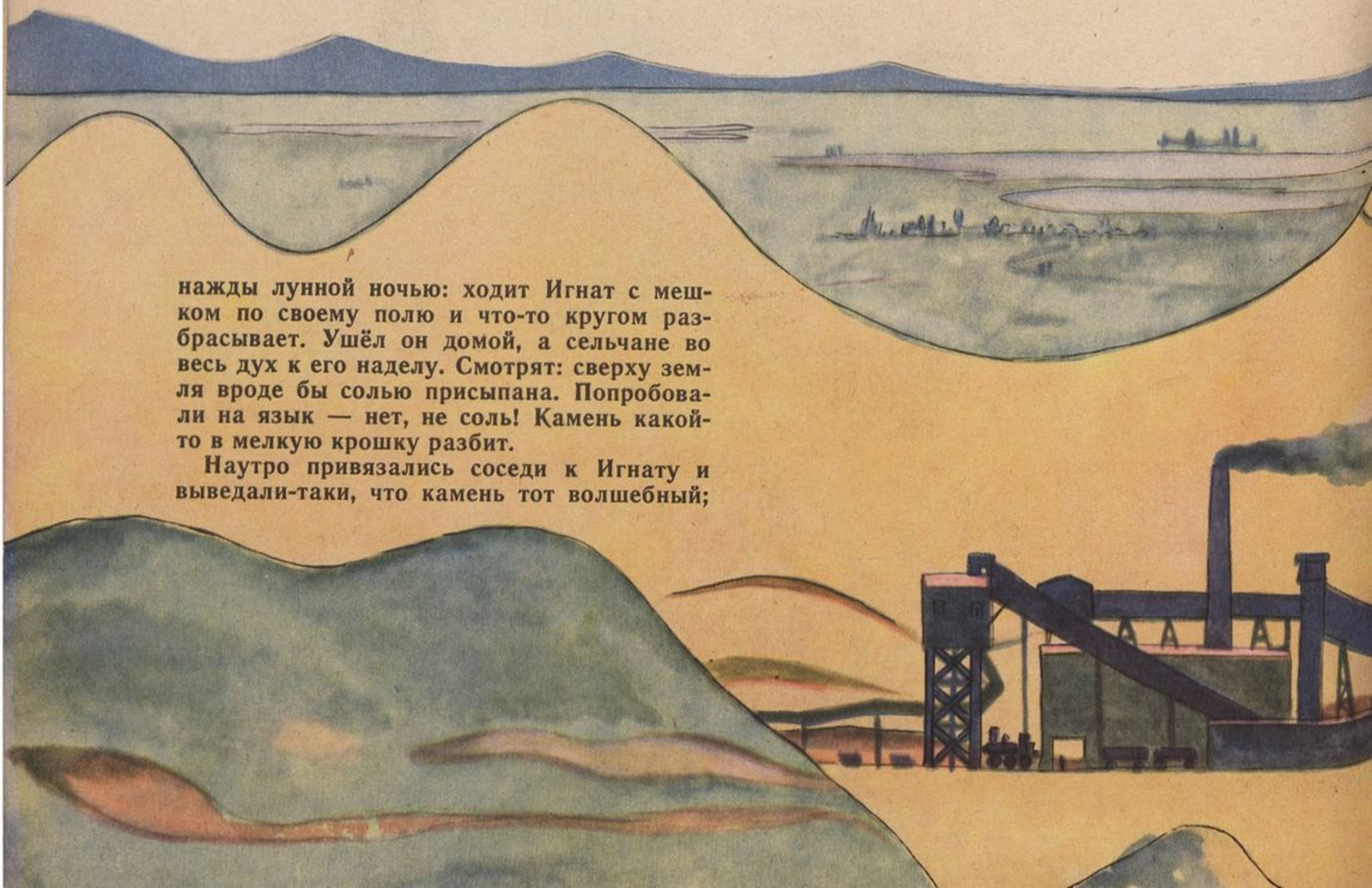
он усталой земле великую силу даёт. Земля от него молодеет, и рождаются на ней урожаи невиданные.

Ну, это присказка. Весь сказ впереди. Вот послушай.

В Казахстане, посреди бескрайней степи, есть город Каратау. Город этот совсем молодой, моложе тебя. Ещё недавно на его месте стоял маленький посёлок Чулак. Глядел он в степь подслеповатыми оконцами глинобитных мазанок и задышался от пыльных бурь. Ни в самом посёлке, ни в его окрестностях не росло ни единого деревца. Только бурая, колючая трава припадала к мёртвой земле.

нажды лунной ночью: ходит Игнат с мешком по своему полю и что-то кругом разбрасывает. Ушёл он домой, а сельчане во весь дух к его наделу. Смотрят: сверху земля вроде бы солью присыпана. Попробовали на язык — нет, не соль! Камень какой-то в мелкую крошку разбит.

Наутро привязались соседи к Игнату и вывели-таки, что камень тот волшебный;

Степь лежала вокруг, равнодушная и безводная. И лишь изредка встречались в ней колодцы с горькой, как полынь, водой. Такую воду не хотят пить даже овцы.

Но вот пришли в этот край геологи, потом строители, и закипела в Чулаке большая работа. Из глубин земли добыли люди прозрачную вкусную воду и стали возводить дома для рабочих.

Сейчас улицы в городе прямые и широкие. Сделаны они из асфальта и блестят на южном солнце, как тёмные реки. А по берегам этих рек — зелёный шум деревьев.

Днём и ночью на улицах города слышно: цок-цок-цок. Это бегут неутомимые ослики. Они везут на базар яблоки и гранаты, дыни и арбузы, грецкие орехи и солнечные гроздья винограда.

Ещё в город приезжают на тонконогих скакунах пастухи овечьих отар — чабаны. В лисьих шапках и с плётками в руках они лихо гарцуют по улицам. Но больше всего в Каратау машин. Потому что рядом идёт стройка. Здесь достраивают химический комбинат. Он перерабатывает волшебный камень — фосфорит.

Кругом города — кольцо далёких гор. «Каратау» — по-казахски значит «Чёрные горы». Но горы эти вовсе не чёрные, а голубые и зелёные. Вот под этими-то горами и нашли волшебный камень — камень плодородия. Его так много, что хватит, пожалуй, на сто лет. А добывают его так же, как уголь. В глубь горы пробивают узкую шахту. От шахты в разные стороны разбегаются боковые ходы. В них фосфорит рубят машинами, грузят на вагонетки, а потом поднимают наверх. Я сам спускался в шахту и видел, что работать там трудно. Чтобы не случился обвал, боковые ходы — штреки — укрепляют деревянными подпорками. На это идёт уйма крепёжного леса. Вагонетки, лес, подъёмники и, главное, сколько нелёгкого человеческого труда! Дорого, очень дорого обходится волшебный камень. А ведь для полей его нужно не тонну и не десять, а много миллионов тонн.

И вот что придумали инженеры. Привезли они в Чёрные горы буровые машины, просверлили много скважин, а в скважины заложили взрывчатку. Начальник взрывников включил рубильник, и по шнурам к взрывчатке побежала электрическая искра.

Дрогнула и вороным дымом окуталась первая гора, взлетел к небу огненный смерч, и на землю пал каменный ливень. А когда дым рассеялся, увидели люди: на месте горы раскрыла пасть огромная яма — карьер. И сверху карьера на солнце волшебный камень поблёскивает — руками его бери.

На другой день приползли в карьер зубастые экскаваторы. Прямо ковшами стали они черпать фосфорит и грузить его в самосвалы. Самосвалы эти огромные и сильные, как паровозы. Круглые сутки режут они теперь на улицах города, увозя на завод отвоёванный у гор клад.

На заводе глыбы камня размалывают в порошок и удаляют из него все вредные для растений вещества. Так же вот, как хозяйка просеивает сквозь сито муку, чтобы в ней не оставались отруби.

Скоро около Каратау взорвут ещё один карьер — самый большой в мире. Он будет такой глубокий, что в него по самую кры-

шу войдёт тридцатиэтажный дом. Но как же спустятся экскаваторы и машины в такую пропасть? А вот как: карьер похож на великанскую чашу. По стенкам чаши строители проложат дорогу. Виток за витком дорога будет спускаться на самое дно, к открытым пластам камня плодородия.

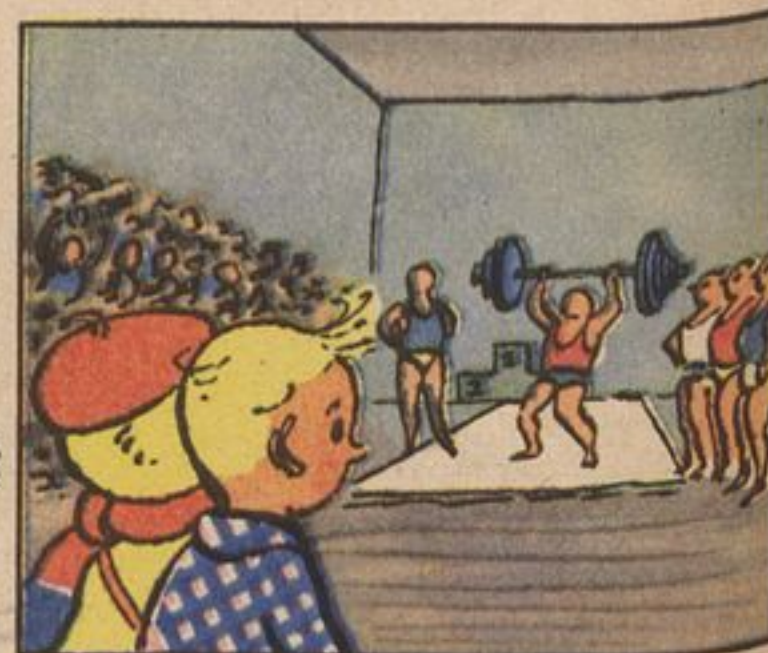
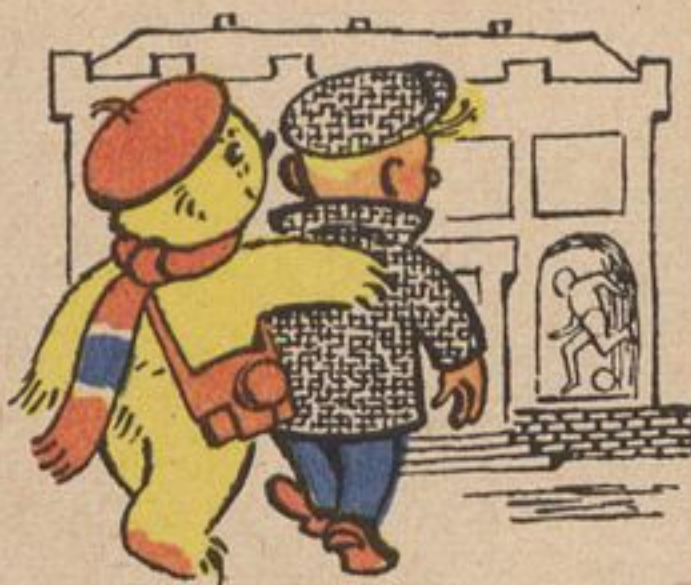
Шесть тысяч поездов в год отправляет сейчас Каратау. Семнадцать составов с удобрениями уходят отсюда ежедневно. Во все концы нашей Родины летят поезда, и ветер разносит их весёлые гудки:

Везём мы чудо-камень,
Волшебный фосфорит.
Рабочими руками
Он для страны добыт!

А летом, попав на поля, чудо-камень даст земле могучую животворную силу, и заколосится, запоёт на ветру хлеб, высокий, густой, будто камыш. Такой, как в сказке про мужика Игната.

МУРЗИЛКА-СИЛАЧ

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

Как-то мы пошли с Петей Синичкиным в спортзал.

Сколько здесь силачей!

— Давай тренироваться! — говорит Петя.

— Что ты, — говорю я, — у меня есть идея, как сразу взять первое, второе и третье место!..

Смотри стр. 29

СОСНЫ ШУМЯТ

И. ТОКМАКОВА

Рис. Н. УСТИНОВА

НОЧЬ

Сейчас ночь. Тамара не спит. Тётя Нюра, которая дежурит сегодня ночью, сидит в уголке. Там на маленьком столике горит коптилка — баночка с керосином, а в ней фитилёк. Ребята спят. А Тамара не спит. Тамара плачет. Рядом с Тамариной стоит Валина кроватка. Вале три года. Он ещё очень маленький. Он ничего не понимает и не помнит. Он спит спокойно. А Тамара — большая. Ей уже шесть. Тамара знает, что сейчас война. Что её привезли в деревню Сосновку, «в глубокий тыл», из Минска. В Сосновке она живёт с ребятами в светлом деревянном доме, который раньше был школой, а теперь он называется «Дом Ребёнка». В Минске осталась Тамарина мама. Тамара

всё время ждёт маму. Ночью она не может спать. Она слушает, как шумят за окном сосны. В открытую форточку пахнет дождём. Ночью Тамаре кажется, что мама никогда не приедет. И она тихонько плачет, чтобы не услышала тётя Нюра. Потом она засыпает.

ОЛЕСЯ

А утром в большое незанавешенное окно весело смотрит солнце. Тётя Нюра кричит: «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!» В школу никто не ходит, это просто у тёти Нюры такая будилка.

Прибегает Олеся. Олеся — большая девочка, дочка Веры Александровны — заведующей.

— Ребята, — говорит она. — Тётя Нюра от-

пускает вас после завтрака со мной гулять. Собирайтесь скорее.

Она помогает тётё Нюре принести с кухни кашу. Ребята старательно выскребают кашу из глиняных мисок. Добавки не будет. Тётя Нюра говорит, вздыхая, «война», потихоньку суёт маленькому Вале лишний кусочек хлеба.

Собрались. Построились парами. Тамара, как всегда, в паре с Инночкой-красавицей. Её так зовут, потому что так её называет папа. Инночкин папа на фронте. Он пишет ей письма, а тётя Нюра читает их два раза: один раз Инночке, а потом всем ребятам. Инночкин папа писал: «Всё будет хорошо, Инночка-красавица, мы обязательно победим фашистов».

Тамара думает: «Какие они? Наверное, толстые, красномордые и косоглазые. Из-за них мама не едет за Тамарой...»

Наконец все выходят во двор. Высокие сосны окружили дом, как будто играют в каравай. Кажется, сейчас запоют: «Каравай, каравай, кого любишь — выбирай». Но у них получается только бесконечное «шшшшшшш», и они с досады размахивают ветками и сыпят на землю сухую хвою.

Олеся говорит:

— Тамара, ты будешь за старшую, построй ребят полукругом, а я сбегаю за Альфой.

Альфа — это Олесина овчарка. Сейчас они будут её дрессировать.

Ребячий круг смыкается. Олеся и Альфа — в середине. Ушки у Альфы торчком, шерсть серебристо-серая. Она виляет хвостом и дрессироваться не хочет.

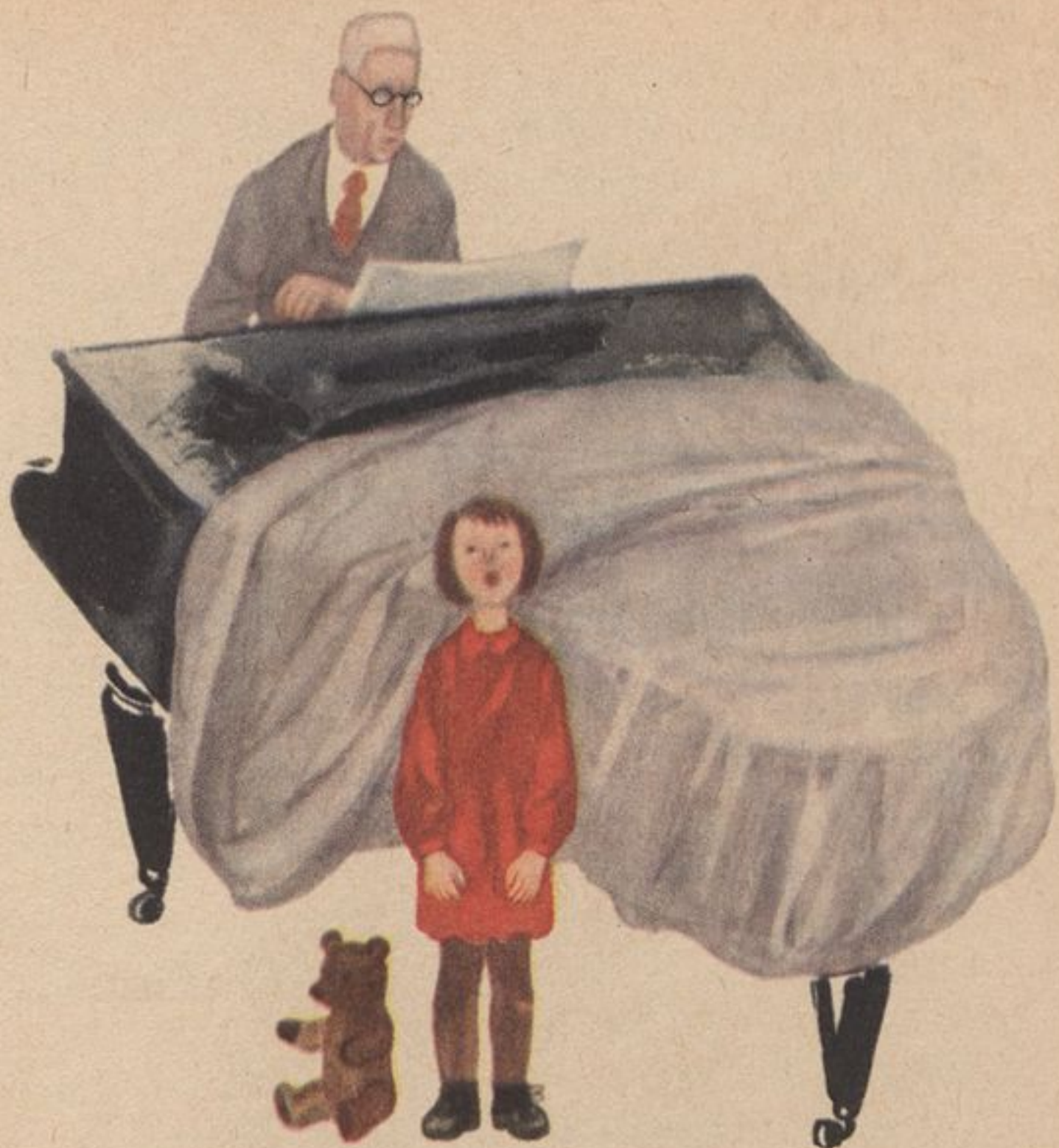
Олеся кричит ей:

— Альфа, сидеть, сидеть!

Альфа нехотя садится. Олеся гладит её по голове. Надо бы дать ей сахару, но сахару у Олеси нет. Утром она сама пила противный, сладковатый чай с сахарином.

— Альфа, лежать! — командует Олеся.

Альфа и не думает ложиться. Она увидела Кашлатика, рыжего, важного кота, который эвакуировался из Москвы вместе с Олесей и Верой Александровной. Альфа бежит по кругу, потом прорывает его там, где стоит маленький Валя, и кидается за котом. Кашлатик не хуже белки — одним махом взлетает на сосну. Альфа лает. Ребята смеются. Дрессировка окончена.

РОЯЛЬ И СМЕТАН СМЕТАНЫЧ

Как-то раз в коридоре шёл странный разговор. Заведующая Вера Александровна кричала на завхоза Исаака Марковича, а он — на неё. Тамара ходила в бельевую за наволочками и всё слышала.

— Дело не в том, что война. Дело в том, что мы должны вырастить ребят полноценными людьми. А человек отличается от животного эстетическим чувством, — непонятно и сердито говорила заведующая.

— Вы фантазёрка! — кричал завхоз, размахивая своей единственной левой рукой. — Это нереально. У меня нет на это денег. Мне нужны лошади. Лошади, а не фигли-мигли! Мне нужно возить дрова со сплава. Я же не могу навезти дров на всю зиму на одном нашем дохлом Мишке. Мне нужно платить за лошадей. Я должен их арендовать.

Так они покричали и ушли.

А на следующий день шуму в коридоре было ещё больше.

Ходили какие-то чужие дядьки. Открывали двери. Вторая половинка, которая была на крючке, открываться не хотела. Её колотили топором. Кто-то говорил: «Снимите с петель, снимите же её с петель». И, наконец, много людей сразу внесли в коридор через кухню (ребятам ходить в эту дверь запрещалось) большущий рояль. Его поставили в коридоре, в углу, и он стоял там, как испуганный чёрный слон. Ребята подходили к нему, гладили его и ждали, что же будет дальше.

А дальше было вот что: после полдника пришла Вера Александровна и сказала:

— Возьмите каждый свой стульчик и пойдите в коридор.

В коридоре за роялем сидел высокий, очень худой старик.

— Это Степан Степанович, — сказала Вера Александровна. — Ваш учитель. Садитесь все возле рояля.

Ребята пошумели, повозили стульчиками и, наконец, расположились и затихли.

Степан Степанович сказал:

— Мы сейчас выучим песенку. —
И заиграл. И запел. Он пел тихим
голосом смешную песенку:

Мой маленький ослик на рынок
пошёл,

Мой маленький ослик сто крынок
нашёл.

Ни красных, ни белых,
Ни битых, ни целых,
Мой маленький ослик сто крынок
нашёл!

Ребята быстро выучили песенку про
ослика. А потом Степан Степанович
рассказал им, что у него есть сын и
что его сын лётчик, он воюет с фаши-
стами и с фронта прислал Степану
Степановичу песню, которую любят
петь лётчики. Это была взрослая,
серьёзная песня. Но Степан Степано-
вич спел её ребятам, и они запомни-
ли припев и подпевали:

Петлицы голубые,
Петлицы боевые,
Я вижу вас при свете и во мгле.
Лети, мой милый сокол,
Лети, мой друг, высоко,
Чтоб было больше счастья,
Счастья на земле.

А вечером, когда все легли
спать и тётя Нюра вышла из
комнаты, был такой раз-
говор:

— Тамара, а Тамар, —
шептал Валя. — Это что —
сокол?

— Птица такая.

— Тамар, а какой у Сте-
пан Степановича сына само-
лёт? Ведь про него поют, что
он сокол, а как это — само-
лёт и сокол?

— Наверно, такой вол-
шебный самолёт, — шепчет
в ответ Тамара. — Как пти-
ца. У него белые железные
крылья.

— И он ими машет, да?
— Машет. И на них красные
звёзды.

— И он убьёт всех фашистов?

— Убьёт. И тогда приедет моя
мама.

— И моя?

— И твоя...

Степан Степанович стал приходить
к ребятам часто. Ребята полюбили
его. Им всё нравилось в старом учи-
теле: и как тихо и мягко он разгова-
ривает, и как красиво поёт, и как
прямо и ровно ходит — как военный.
Только маленький Валя никак не мог
выговорить его имени и отчества пра-
вильно, у него получалось что-то вро-
де «Сметан Сметаныч». Ребята так
его и называли. За глаза, конечно.
А то ещё обидится. Они ведь не со-
зла, а просто передразнивают Валу.

РЕПЕРТУАР

Однажды, когда Степан Степано-
вич пришёл на урок, с ним вместе по-
явилось непонятное слово репер-
туар.

— Нужен же репертуар, — говорил
он тётя Нюре и Вере Александров-
не. — Помилуйте, как же
так — просто взять и высту-
пать?

Потом на урок прибежала
Олеся и тоже говорила: «Ре-
пертуар, репертуар».

Ребята толком ничего не
поняли. Но с этого урока
стали не просто все хором
петь песни, но каждый ещё
дополнительно разучивал
свою песенку или стишок.

Инночка-красавица выхо-
дила на середину коридора
и объявляла:

— Моцарт. «Колыбель-
ная». — И начинала петь
тоненько-тоненько: «Спи,
моя радость, усни...»

Валя тоже выходил на середину. Он читал стихи. У него получалось так:

Взяй баясик
Каяндасик.

То есть «взял барашек карандашик». Смешно, конечно, но над ним не смеялись. Хвалили даже. Валя ведь маленький.

А Тамара танцевала под музыку. Когда Степан Степанович играл что-нибудь красивое и медленное, ей так и хотелось медленно поднимать руки и кружиться под музыку. Олеся как-то увидела, как Тамара кружится и приседает.

— Степан Степанович, — сказала она. — А Тамара-то у нас настоящая балерина. Не поставить ли нам ещё балетный номер?

— Превосходная мысль! — обрадовался он. — Она будет танцевать «Сентиментальный вальс».

И он заиграл красивую музыку, а Олеся показала, что надо делать, и Тамара плавно поднимала руки и ходила по кругу на цыпочках, и у неё было очень радостно на душе.

ГОСПИТАЛЬ

Скоро выяснилось, что «репертуар» — это всё вместе: и песня лётчиков, и Инночкин Моцарт, и «баясик», и Тамарин вальс, и всё-всё, что ребята выучили со Степаном Степановичем. А учили они это всё не просто так, а потому что их пригласили в гости раненые из госпиталя, а чтобы раненым было интересно, ребята и приготовили «репертуар».

Олеся сшила Тамаре белое платьице из марли, с коротенькой юбочкой и множеством оборок. Это называлось «панка». Всем ребятам починили ботинки.

И вот, наконец, Вера Александровна пришла и сказала:

— Завтра едем.

Утром после завтрака в телегу запрягли Мишку. На дно телеги положили сено и байковое одеяло. Взяли с собой хлеба.

Тётя Нюра сказала:

— Мало ли что.

И ещё взяли два бидона с водой. Потом нарядились. Потом пришли

Степан Степанович и Вера Александровна. И Олеся. И все поехали. Мишка шёл медленно. Его погоняли. Но он всё равно шёл медленно, потому что ему было тяжело. Все волновались и боялись опоздать.

Потом у Мишки порвался какой-то чересседельник. Потом Тамара захотела пить, и все захотели пить, и тётя Нюра всех поила и ругалась.

Наконец проехали большое поле и въехали в город и так затряслись по

булыжной мостовой, что языки во рту задрыгали и что-то заняло в животе. Свернули на ту улицу, где был госпиталь. У ворот их ждала тётенька. Она была в белом халате, а из-под халата выглядывала военная гимнастёрка. Она кинулась навстречу и закричала:

— Ну что же вы, ну где же вы? Раненые ждут. Обед уже скоро. Ну, скорее, скорее.

Вошли в госпиталь. Там пахло свежей масляной краской, варёной капустой и каким-то знакомым-знакомым лекарством. Прошли белыми тихими коридорами, поднялись по каменной лестнице, потом протопали по деревянным ступенькам и вдруг очутились на сцене. На сцене стоял такой же рояль, как у ребят дома. А в зале на стульях и на подоконниках сидели раненые в серых халатах. Фашисты ранили их на войне, и теперь они лечились в госпитале, чтобы снова поехать на фронт и выгнать фашистов с нашей земли.

Ребята выстроились в два ряда. Степан Степанович заиграл. Ребята запели «Петлицы голубые».

...Тамара танцевала. Она плавно поднимала руки, и опускала их, и вставала на цыпочки, и приседала, и кружилась. Когда кончился танец, раненые закричали и захлопали в ладоши, а один раненый хлопал ладонью по коленке, потому что у него не было второй руки.

Степан Степанович снова заиграл Тамарин вальс, и она танцевала всё сначала. А Валю заставили три раза подряд прочесть «Баясика». Потом звонил какой-то звонок, приходили тётеньки в белых халатах, говорили:

— Товарищи, ведь обед, идите же, наконец, в столовую. — Но никто не двинулся с места до тех пор, пока ребята не исполнили весь свой репертуар.

(Окончание в следующем номере)

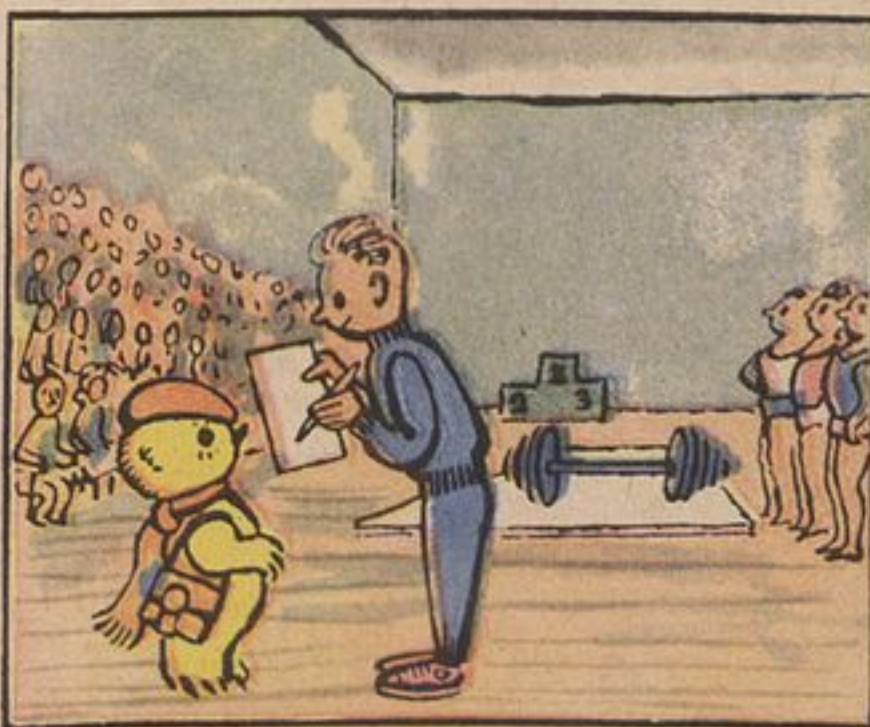
МУРЗИЛКА-СИЛАЧ

Ночью мы прокрались на крышу спортзала...

...и установили мощный электромагнит и сто батареек.

На следующий день я прихожу на состязания и прошу включить меня в состав участников.

А Петя сидит на крыше. Он включит магнит, как только я возьмусь за штангу.

Смотри стр. 31

КТО ОН?

Нина НАЙДЁНОВА

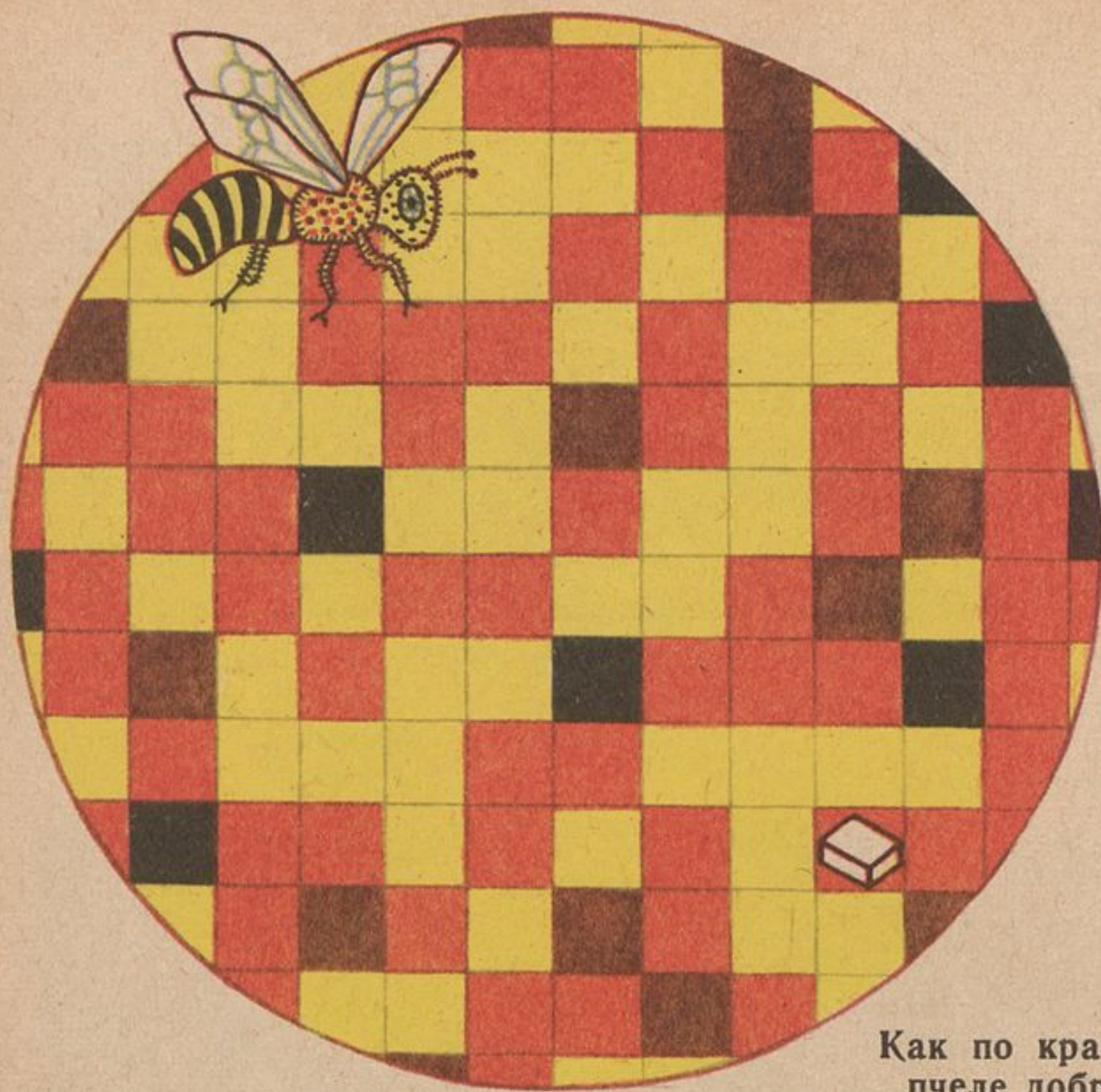
Он длиннющий,

он большущий,

Он от тучи до земли...

Пусть идёт он пуще, пуще,

Чтоб грибы скорей росли!

ВЕСЁЛЫЙ ТАЗ

Василий МОРОЗОВ

С крыши капелька упала,
Прямо в таз она попала.
Не смолчал весёлый таз —
Торопливо звякнул:

«Раз!»

С крыши старого сарая
Капля прыгнула вторая.
И опять весёлый таз
Торопливо звякнул:

«Раз!»

«Два!» — поправили его
Из пруда лягушки.
Таз не слышал ничего —
Ребятишки у него
Оборвали ушки.

Как по красным квадратикам
пчеле добраться до сахара?

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В четвёртом номере нашего журнала напечатан рассказ в картинках «Мурзилка-художник». Вы, наверное, читали этот рассказ и удивлялись тому, как вели себя в картинной галерее Мурзилка и Петя Синичкин.

«Чудаки они, — пишут в редакцию наши читатели, — пришли смотреть картины, а сами по сторонам глазели. Оттого и в рисунках у них всё перепутано».

И ещё ребята просят нас написать, какие картины видели Мурзилка и Петя.

Мы сказали Мурзилке:

— Сходи, пожалуйста, в картинную галерею и сфотографируй картины.

Мурзилка сделал четыре фотографии, а картины «Охотники на привале» В. Перова и «Богатыри» А. Васнецова сфотографировать не смог: возле них всё время толпились люди.

И. ШИШКИН. «Утро в сосновом лесу».

В. ПЕРОВ. «Рыболов».

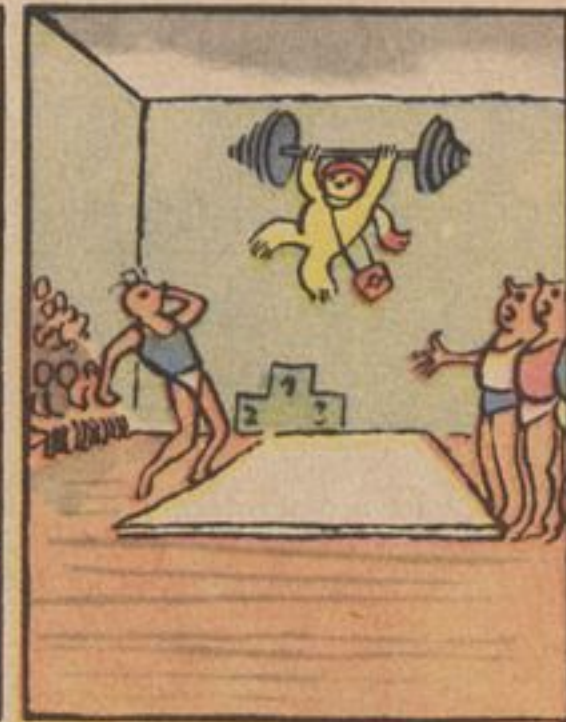
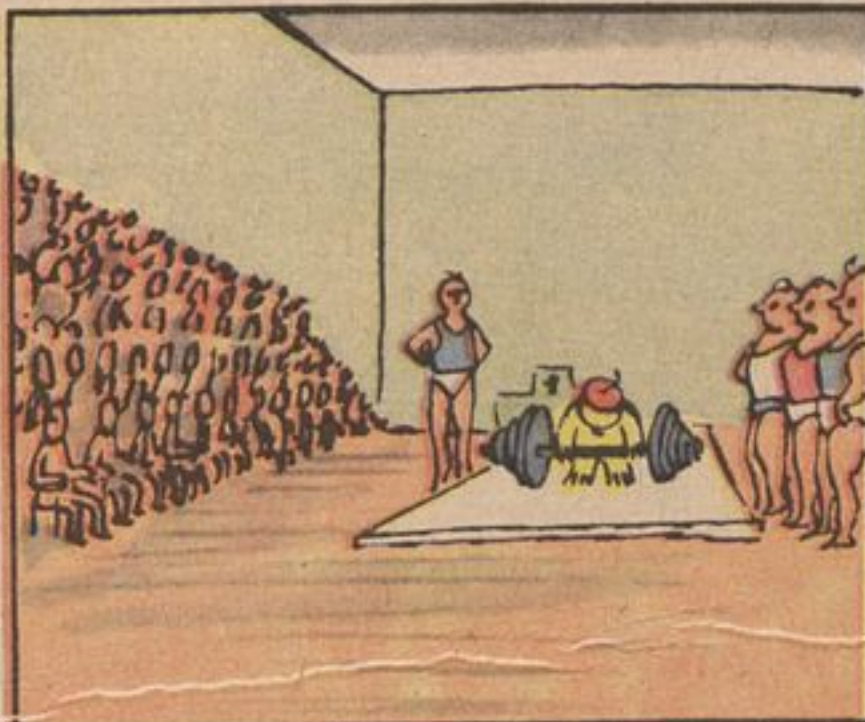
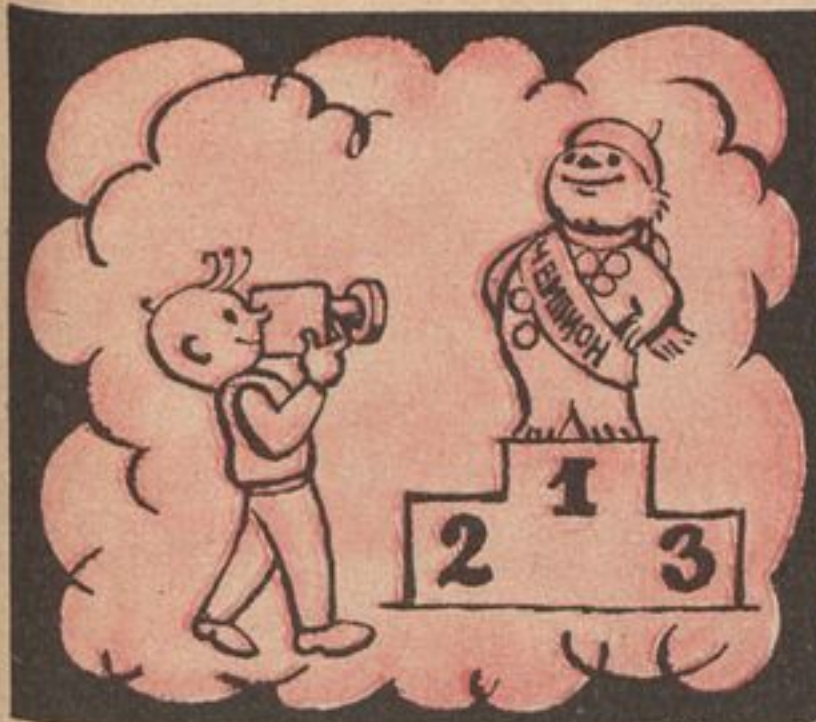

В. МАКОВСКИЙ.
«Свидание».

К. МАКОВСКИЙ.
«Дети, бегущие от грозы».

МУРЗИЛКА-СИЛАЧ

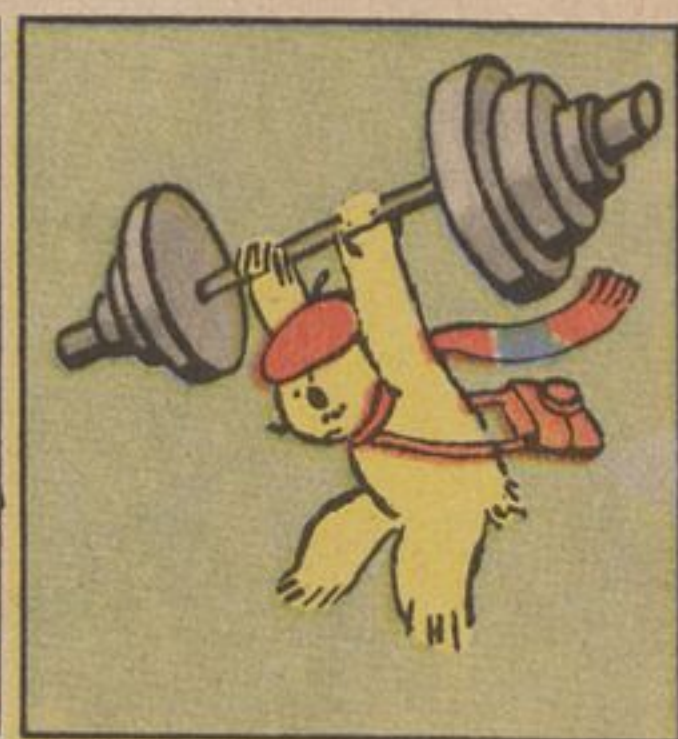
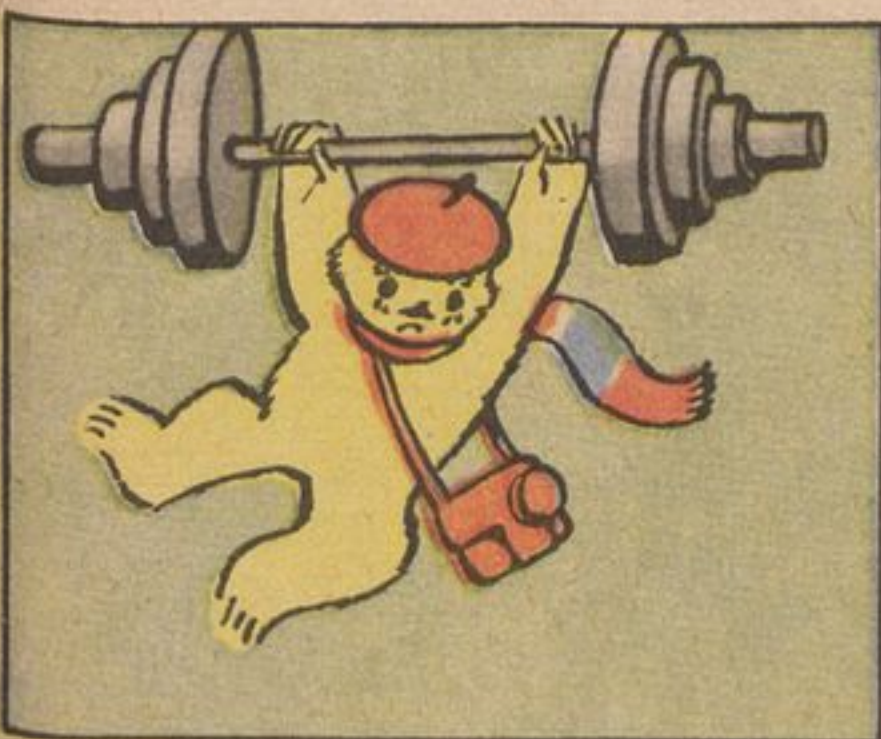

Затем он должен будет спуститься и сфотографировать меня моим фотоаппаратом на пьедестале почёта.

Итак, я подхожу к штанге. Петя включает электромагнит.

Рывок! Колоссальный вес взят!!!

Но что это!! Чувствую, что я поднимаюсь в воздух...

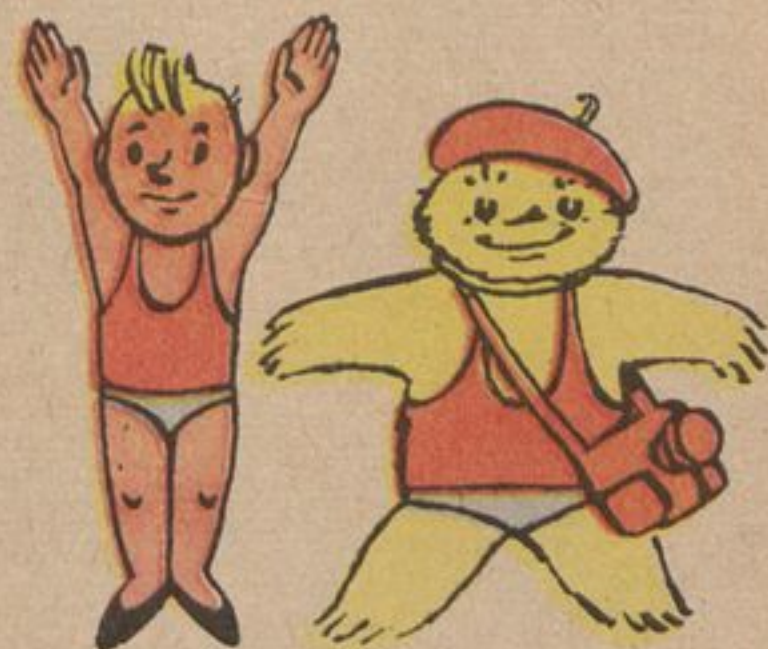

...и прилипаю к потолку.

Ясно! Мы подключили слишком много батареек.

А Петя слышит шум в зале, думает, что я установил рекорд, и выключает электромагнит.

Я обрушиваюсь вниз.

Штанга стучает меня по голове!

Из глаз искры!

Но мой знаменитый берет спасает мне жизнь!!!

Теперь мы с Петей регулярно тренируемся. Шишка на моей голове почти прошла.

Рисунок на обложке Н. ЦЕЙТЛИНА

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв

Художественный редактор Ю. Молоканов

Технический редактор В. Лубнова

Год издания сорок первый. Цена 10 коп.

Подп. к печати 9/IV 1965 г. Бумага 84×108^{1/16}. Печ. л. 2(3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 429.
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Суццевская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

На реке камыши,
Разыгрались
там ерши,
Круг побольше,
Круг поменьше,
Круг
совсем малыши.

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Индекс 70553

